

— Проклятье! Проклятье! Чтоб их всех черти побрали!

— Гнев разрушает дух, страж Су. Нам лучше подумать о том, как выбраться из этой ловушки.

Цинь Чжо помог Цинь Сыминь устроиться у подножия раскидистого дерева и лишь после этого обернулся к бушевавшей женщине.

Эта статная, броско красивая воительница сыпала яростными ругательствами, в бессильной злобе молотя кулаками по стволу. Под её ударами во все стороны летела щепа, а густая крона над головой испуганно шелестела, осыпая беглецов листвой.

Цинь Сыминь, зажав рану на плече — глубокую, до самой кости, — шумно, прерывисто дышала. Её бледное лицо словно окаменело, и лишь выступившая на лбу холодная испарина выдавала нечеловеческую боль. Своей уцелевшей рукой она судорожно сжимала рукоять Меча, Колеблющего Чувства, будто сию минуту пытаясь почерпнуть в холодном оружии хоть каплю стойкости.

Честно говоря, беда пришла откуда не ждали — на них обрушилась чистейшая кара небесная, без вины виноватых.

Ещё минувшей ночью Цинь Чжо вел троих младших сородичей на духовной ладье к Бездне Гаюань. На самом рассвете, когда небо едва начало окрашиваться серым, они решили сделать привал на склонах горы Тяньтай.

Едва только Цинь Сыминь убрала ладью в мешочек Цянькунь, как со всех сторон донесся глухой лязг оружия. Не успели они оглядеться в поисках укрытия, как небеса над ними расцвели смертоносным сиянием: холодный блеск клинков обрушился лавиной, точно рухнувший наземь Млечный Путь, а следом тучей полетели пылающие стрелы.

Тань Ци затрясся от ужаса. Если бы не быстрая реакция Цинь Чжо, вовремя дернувшего юношу на себя, тот бы так и остался стоять под смертоносным дождем.

Они даже не успели понять, кто на них напал. Пришлось прорываться с боем, отступая вслепую. Пытаясь спастись, беглецы наткнулись на отряд личных стражей, которые вели отчаянную, не на жизнь, а на смерть битву с прекрасно обученным правительственным войском.

Земля была усеяна телами, кровь лилась рекой. И хотя стражников было значительно меньше, каждый из них обладал выдающимся мастерством, так что их потери были невелики. А вот нападавшие солдаты гибли десятками.

Сражение шло на крутых, поросших лесом кручах. То и дело из гущи схватки раздавались

истощные вопли — потерявшие опору воины срывались в пропасть, откуда мгновением позже доносился глухой, заставляющий содрогаться хруст ломающихся костей.

Тяжелый запах свежей крови и удушливое дыхание смерти заполнили все вокруг. Цинь Сыминь смертельно побледнела, а Тань Ци едва сдерживал рвотные позывы. В этом хаосе никто не заметил, как помрачнел и подобрался обычно беззаботный Цинь Тяньцэ.

Когда они осторожно пятились, пытаясь обойти бушующее побоище стороной, один из сражавшихся стражников заметил их и по узорам на одеждах мгновенно признал в них выходцев из великого клана.

Этим воином оказалась та самая женщина, что сейчас стояла перед ними.

Она прокричала, что они — личная гвардия принцессы Чандин, и взмолилась, чтобы семья Цинь из Пэнлая протянула им руку помощи.

Обратись она к самому главе клана, Цинь Жую, спасение было бы делом пары мгновений. Однако перед ней предстала лишь неопытная молодежь. Старший из них, Цинь Чжо, едва достиг начальной ступени выплавления эссенции в ци.

Их неохотно втянуло в чужую бойню. В начавшейся суматохе Цинь Тяньцэ и Тань Ци отрезало от остальных. Цинь Чжо, подхватив раненую Цинь Сыминь, сумел вырваться из окружения. Когда же они наконец оторвались от погони и огляделись, рядом оказалась лишь эта женщина, назвавшаяся Су Пинь. Все прочие точно сквозь землю провалились.

— Простите меня... Это из-за моей глупости вы оказались втянуты в эту бойню и теперь вынуждены скитаться по лесам.

В голосе Су Пинь звучало искреннее раскаяние, смешанное с запоздалым страхом. Она и подумать не могла, что эти юные отпрыски семьи Цинь посмеют сунуться в столь глухие и опасные дебри без сопровождения сильных старейшин.

Цинь Чжо на удивление сохранял полное хладнокровие. Он аккуратно присыпал глубокую рану Цинь Сыминь целебным порошком, останавливающим кровь, а затем бережно перевязал плечо чистым холстом.

Девушка переносила боль молча, лишь все её тело было напряжено как струна. Только когда Цинь Чжо закончил с повязкой, она тихо выдохнула:

— Тяньцэ... Тань Ци...

— Не тревожься, Сыминь, — поспешил успокоить её Цинь Чжо. — Если даже мне удалось уцелеть и выбраться, то они и подавно в порядке.

— Вы о тех двоих, что были с вами? — Су Пинь хлопнула ладонью по стволу и указала подбородком на восток. — Не переживайте. Они отступили вместе с моими соратниками. Должно быть, сейчас они пробиваются к военному лагерю. Там они будут в куда большей безопасности, чем мы здесь.

Цинь Сыминь заметно расслабилась, напряжение на её лице немного утихло.

— Кто послал эти войска? Где сейчас принцесса Чандин и почему на вас напали? — Цинь Чжо задал сразу три вопроса.

Су Пинь посмотрела с глубоким, неприкрытым отвращением, которое тут же сменилось глухой яростью.

— Цай Бинь, — процедила она сквозь зубы.

Цинь Чжо на секунду задумался, а затем изумленно переспросил:

— Канцлер Цай? Цай Цинжу?

Су Пинь медленно закрыла глаза, подтверждая его догадку.

— Но канцлер Цай известен своей мудростью и воинской доблестью, в Поднебесной о нем отзываются как о добродетельном муже... С чего бы ему устраивать засаду на принцессу Чандин?..

Цинь Чжо был искренне озадачен. Сам он не испытывал к Цай Биню неприязни, однако глава их клана всегда отзывался о канцлере крайне пренебрежительно. Старейшина утверждал, что у этого человека взгляд хищного волка, затаившегося перед броском, и характер истинного предателя. Мол, хоть он и наделен великим умом, помыслы его гнилы, а потому рано или поздно он явит свое истинное лицо и пожнет бурю, которую сам же и посеял.

Су Пинь тяжело, затажно вздохнула. В свое время Его Величество с глазу на глаз говорил принцессе, что канцлер Цай безмерно талантлив, но начисто лишен добродетели. Государь полагал, что сможет подчинить себе этого хищника, однако, похоже, слишком переоценил собственные силы.

С древнейших времен советники государей делились на верных и коварных, способных и бездарных, любимчиков и интриганов. Цай Бинь, без сомнения, был выдающимся государственным деятелем, но вот верности в нем не было ни на грош.

— Но почему именно принцесса Чандин? — подала голос Цинь Сыминь.

Её бледное, измученное лицо, обрамленное слипшимися от пота прядями волос, казалось сейчас беззащитным и удивительно мягким. Силясь удержать ускользающее сознание, она упрямо смотрела на Су Пинь, ожидая ответа.

Та на миг растерялась, а когда осознала суть вопроса, лишь сокрушенно покачала головой.

Даже если у Цай Биня и созрели бунтарские помыслы, почему первой его целью стала именно принцесса Чандин?

— Где принцесса сейчас? Она в безопасности? — встревоженно спросил Цинь Чжо. Ведь в этот час наибольшая угроза нависла не над ними, а над пропавшей принцессой Дунфан Цзе.

Су Пинь резко повернулась к ним. Она прищурилась по-лисий, внимательно изучая своим раскосым взглядом лицо юноши, а затем скользнула по фигуре Цинь Сыминь; её взгляд был полон глубоких подозрений и сомнений.

Ей довелось сопровождать принцессу во время визита на Одиннадцать островов Пэнлай. Су Пинь прекрасно помнила, как высоко государыня отзывалась о клане Цинь. Она тогда особо подчеркнула, что глава семьи Цинь Линьшу — человек глубокого ума и великой силы, с которым нужно искать дружбы и ни в коем случае не доводить до вражды.

Наконец Су Пинь опустила веки, пряча свои мысли, и тихо выдохнула:

— Раз уж все так обернулось, скрывать больше нечего.

Она открыла им все, что знала сама. Сведений у нее было немного, поэтому она слово в слово пересказала то, что слышала от Дунфан Цзе, не решаясь убавить или прибавить к этому хоть крупичку истины.

— Белый Император Шаохао... — отрешенно пробормотал Цинь Чжо.

В клане Цинь, наряду с почитанием Первого Императора, чтили и Пять Владык Древности. Каждый потомок этой великой семьи возрастал в глубоком благоговении перед легендарными прародителями Китая.

Действительно ли великий Шаохао оставил свое наследие здесь, на вершинах Тяньтай? И откуда об этом разузнала принцесса Чандин?

— Принцесса еще не знает о предательстве канцлера, — с тревогой продолжила Су Пинь. — Мне нужно разыскать ее как можно скорее. Главное — успеть до того, как до нее доберется Цай Бинь.

Цинь Чжо нахмурился. Сквозь просветы в густой листве он вглядывался в светлеющее утреннее небо, лихорадочно перебирая в голове возможные выходы из ловушки.

Внезапно его взгляд прояснился, и в нём вспыхнул загадочный огонек.

— Спуститься с горы мы тоже не можем: солдаты канцлера намертво перекрыли все тропы. Раз принцесса до сих пор не явилась, она, скорее всего, уже проникла в Царство Шаохао... — Су Пинь продолжала взволнованно рассуждать вслух, как вдруг заметила, что ладный, привлекательный юноша преспокойно уселся прямо на сырую землю и принялся копать в широких рукавах своего одеяния.

— Что ты делаешь?

— Успокойтесь, страж Су. Возможно... у меня найдется способ отыскать дорогу в Царство Шаохао, — неторопливо проговорил Цинь Чжо. С этими словами он извлек из складок одежд аккуратно сложенный лист бумаги, а следом — тушечницу, кисть и брусок туши, бережно разложив все это перед собой.

Цинь Сыминь, преодолевая слабость, пододвинулась ближе к своему юному наставнику и с сосредоточенным видом принялась растирать тушь.

Су Пинь недоверчиво сощурилась, пытаясь разглядеть разложенные письменные принадлежности. Ничего волшебного в них не было. На бумаге виднелись лишь ровные каллиграфические строки.

— Это же... «Чушибяо»? Ходатайство о начале похода?

— Сначала я закончу переписывать этот свиток, — с самым невозмутимым видом отозвался Цинь Чжо.

Су Пинь затаила дыхание:

— А потом?

— А потом немного посплю.

—... Чего?!

Огни факелов извивались по горным склонам огненными драконами. Солдаты Цай Биня

прочесали гору Тяньтай вдоль и поперек, но так и не обнаружили никаких следов принцессы Чандин.

Пятидесятилетний канцлер восседал на холеном боевом коне. С каждой минутой его лицо становилось все мрачнее. Позади него четверо дюжих слуг несли на плечах паланкин — великолепное открытое кресло с искусной резьбой, шелковыми занавесями и роскошным балдахином, приличествующим лишь самым знатным особам.

В кресле развалился бледнолицый юноша. Закинув ногу на ногу и неестественно запрокинув голову назад, будто у него была сломана шея, он спал без задних ног, широко раскрыв рот и время от времени издавая тонкий свистящий храп.

Цай Бинь искоса оглянулся на соню. В его взгляде смешались глубокий, почти благоговейный трепет и глухой страх. Заметив, что юноша и не думает просыпаться, канцлер разочарованно вздохнул.

— Искать дальше! — гаркнул он командирам отрядов, а затем сделал знак слугам опустить паланкин на землю.

Спешившись, канцлер лично подошел к спящему, почтительно склонился над ним и негромко позвал:

— Господин... Господин, проснитесь, прошу вас.

Юноша слегка пошевелил веками, показывая, что услышал призыв. Однако открывать глаза он не торопился. Ленивым, но тяжелым жестом он бесцеремонно оттолкнул государственного мужа.

— Обед уже подали? Если нет, не смей меня беспокоить.

Проворчав это, он отвернулся в другую сторону и мгновенно захрапел вновь.

Цай Бинь обладал могущественным самосовершенствованием и стоял на пороге достижения ступени выплавления духа и возвращения к пустоте. Однако от легкого толчка этого тщедушного юноши он покачнулся, едва удержав равновесие. Тем не менее в нем не вспыхнуло гнева — лишь бесконечная покорность.

— Господин, принцесса Чандин бесследно исчезла, — кротко повторил он.

Юноша сладко потянулся, сощурился на утреннее солнце и лениво потер веки:

— И чему ты удивляешься? На Высокой горе Тяньтай старик Сюаньсяо оставил немало хитрых

ловушек и тайных ходов. То, что Дунфан Цзе сумела ими воспользоваться — вполне естественный исход.

— Осмелюсь спросить... кто этот Сюаньсяо? — осторожно поинтересовался Цай Бинь.

Юноша снисходительно усмехнулся, глядя на заискивающего перед ним могущественного канцлера, и с заливистым смехом похлопал его по плечу:

— Совсем из головы вылетело, что вам, смертным, куда привычнее называть его Белым Императором Шаохао. Пф-ф! Цзи Сюаньсяо — он и есть Цзи Сюаньсяо. Придумали тоже: род Цзиньтянь, род Цинъян, род Цюнсан, род Чжусюань... Напридумывали титулов, а настоящее имя позабыли. — Он пренебрежительно взмахнул рукой, а затем весело добавил: — Впрочем, кто я такой, чтобы судить его? Я ведь и сам давным-давно отказался от своего первого имени.

Цай Бинь на мгновение растерялся. Многие летописцы и мудрецы утверждали, что «Белый Император Шаохао» — это почетный титул, который на протяжении веков передавался от правителя к правителю внутри одного клана. Но почему из уст этого таинственного юноши все звучало так, будто Шаохао всегда был лишь один-единственный?

Гость уставился на канцлера долгим, нечитаемым взором, после чего брезгливо скривился.

— Я хочу есть.

Поспешно засуетившись, Цай Бинь велел слугам притащить низкий столик и расставить посуду. Один за другим солдаты подносили запечатанные короба с яствами. Ароматные блюда, изысканные деликатесы и горячие закуски мгновенно заполнили всю столешницу, источая умопомрачительные запахи.

Юноша без лишних церемоний схватил ближайший короб, сорвал крышку и принялся поглощать пищу с поразительной скоростью. Канцлер же стоял подле него, погруженный в безрадостные думы.

— Наш уговор в силе: как только захватишь трон, барабан Куйню перейдет ко мне, — небрежно бросил едок, не прекращая жевать. За долю секунды опустошив очередной короб, он тут же потянулся к следующему.

В Восточном море, на расстоянии семи тысяч ли от берега, высится гора Любо. Обитает там диковинный зверь, похожий на быка, но безрогий и безропотный, с телом цвета грозовой тучи и лишь об одной ноге. Стоит ему ступить в морские воды, как тут же разыгрывается буря. Тело его излучает сияние, подобное солнцу и луне, а рев громом сотрясает небеса. И зовут того зверя Куй.

В древности Желтый Император сумел изловить его, содрал шкуру и натянул ее на барабан, а

колотушку вытесал из кости Бога Грома. Стоило ударить в тот барабан, как гул разносился на пятьсот ли окрест, вселяя ужас во всех врагов поднебесной и утверждая величие властителя.

В Поднебесной каждый знал, что барабан Куйню — величайшая святыня и священный оберег династии Великий Цянь, однако был ли это тот самый легендарный инструмент, созданный самим Желтым Императором, оставалось великой тайной.

Цай Бинь глубоко вздохнул и почтительно склонил голову:

— Как только я взойду на престол, священный артефакт незамедлительно будет передан вам, господин.

Юноша небрежно отмахнулся, проглотил кусок мяса и целиком запихнул в рот кусок пирога размером с кулак. С раздувшимися щеками он с неистовством урагана принялся за следующий поднос.

— Ты уж постарайся спрятать его понадежнее. Если проснется старик Хуньдунь, он непременно явится за ним. Этот барабан изначально принадлежал его роду. Тогда ни я, ни этот твой Дунфан Юй ничего сделать не сможем — правда будет на его стороне.

— Я все подготовлю, — рассеянно ответил канцлер, думая о чем-то своем.

Юноша тихо фыркнул, осушил чашу с вином до дна и опустил голову. Он прищурился с холодной усмешкой, полной презрения.

В незапамятные времена недостойный потомок рода Дихун по имени Хуньдунь, никчемный сын рода Шаохао по имени Цюнцзи и нечестивый отпрыск рода Чжуаньсюя по имени Таоу были прозваны Тремя Сонмами Зла.

Позже объявился еще один негодяй из рода Цзиньюнь, ненасытный до еды и богатств, жадный и безжалостный к беднякам. Люди Поднебесной приравняли его к прежним трем чудовищам, и нарекли его Таоте.

Род Дихун вел свое начало от Желтого Императора Хуан-ди, а род Цзиньюнь происходил от Огненного Императора Янь-ди и заведовал военными делами при дворе Хуан-ди.

Юноша беззаботно улыбался, но взгляд оставался ледяным. Сглотнув, он отправил в рот огромный ломоть сочного жареного мяса с хрустящей корочкой.

Придет день, и весь мир содрогнется, вновь вспомнив ужасающую мощь древнего Таоте.

Впрочем, спешить некуда. Он только-только пробудился от векового сна, и его былая сила еще

не восстановилась полностью. Однако час, когда он вернет себе былое величие и вновь взойдет на вершину мира, уже неумолимо приближался.

<http://bllate.org/book/18428/1815514>